
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

© М.Н. ЩЕРБИНИН, С.М. ХАЛИН, В.Г. БОГОМЯКОВ

kphil@utmn.ru

УДК 122.16+39+572

СУЩНОСТЬ И БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЭСТЕТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме становления человеческой сущности. Используются категории онтологии, философской и эстетической антропологии. Дается характеристика исторической и логической диалектики личности с точки зрения таких ее качеств, как фигура, персона, лицо.

SUMMARY. The article is devoted to the problem of human essence development in a human being. The categories of ontology, philosophical and aesthetic anthropology are used. The authors give the characteristics of the historical and logical dialectics of a person from the viewpoints of such qualities as figure, person and individuality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сущность, существование, человеческая сущность, фигура, персона, лицо, единство лица, роль фигуры, внутриличностные фигуры, свобода.

KEY WORDS. Essence, existence, human essence, figure, person, individuality, figure role, internal figures of the human, freedom.

Обращение к вопросу о человеческой сущности сегодня в целом соответствует росту субстанциальной представленности человека в мире. В то же время развивающаяся множественность и дифференцированность философских взглядов на человека в его экзистенции и феноменальной индивидуальной самобытности нуждается в дальнейшем мировоззренческом и философском обосновании человеческого единства и целостности.

Постепенно уходит в прошлое объяснение человеческой сущности посредством таких категорий, как «родовая сущность» или «Первосущность». Н.А. Бердяев выразил проявившуюся тенденцию довольно кратко и просто: «Человеческий род перерождается в человечество. Это переход в иной план бытия из плана материального. В этом кризисе рода и материи и в окончательном рождении человека и жизни духа — сущность нашей эпохи» [1; 261]. Судя по всему, на эту позицию русского философа повлияло известное положение К. Маркса о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду... В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [2; 265].

При этом, как сравнительно недавно отметил Э.В. Ильенков, «разница между «сущностью» и «существованием» человеческой индивидуальности (лич-

ности, «Я») — это вовсе не разница между тем «абстрактно-общим», что свойственно «всем» индивидам (точнее, каждому из них, взятому порознь), и индивидуальными отклонениями — вариациями от этого «абстрактно-общего». Это разница между *всей* совокупностью социальных отношений (которая есть «сущность человека вообще») и той «локальной зоной» данных отношений, в которой существует конкретный индивид, той их ограниченной совокупностью, которой он увязан непосредственно, через прямые контакты» [3; 330]. Очевидным становится подчеркнута широкий «социологизм» феномена и понятия «личность». Вместе с тем, еще Ф. Аквинский отметил помимо давно известной Аврелию Августину и Боэцию «Первосущности» Бога и его же (бога) «Вездесущность», обозначив тем самым направление исторического генезиса человеческой сущности, в том числе, в направлении ренессансного «размножения» феномена личности до масштаба индивидуального духа и огромной множественности индивидов.

Конечно, поначалу в древнем мире, а затем и в средневековье соединенность социального и индивидуального имела более ограниченное преломление. Во-первых, появление самой личности (да и, собственно, лица) в условиях родоплеменной организации общества задерживалось, а во-вторых, и позднее далеко не каждый человек обретал право быть именно личностью. Избранное положение того или иного вожака, вождя, лидера осуществлялось путем подавления личностных претензий многих других. Отсюда следует, что скорее формировалась именно *фигура*, как набор определенных социальных качеств. И это происходило за счет активных усилий, энергичных действий и способности к конденсации множественной силы других людей. Затем появилась *персона*, как носитель важных определенных социальных функций, как личность, облеченная дополнительными правами (в том числе правом на защиту). И, наконец, появилось *лицо*. Постепенность этого прогресса имеет свои загадочные изгибы и переломы. Как пишет В. Подорога: «Нечеловеческое в человеке — вот, что такое лицо изначала... Да, у лица великое будущее, но только при условии, что оно будет разрушено, истреблено» [4; 330].

Особенно затруднительным для человечества стало олицетворение («олицетворение») именно общего в сверхплеменном множестве индивидов. В какое-то время, по мысли Н.А. Бердяева, носителем такого «общего лица» выступает Христос. Иконопись, а позднее парсунная живопись по ходу истории сменяются собственно портретной живописью («живо-пись»). И здесь уже появляется, помимо изображения знатных лиц, еще и лицо «простолюдина» (Веласкес, например). «Оживляющая» суть эпохи Возрождения умножала количество лиц, играющих ту или иную роль, до статистических характеристик.

Особенно остро и глубоко ощутил этот перелом в самотворении человеческой сущности Т. Гоббс. У него мы читаем: «Множество людей становится одним лицом, когда оно представлено одним человеком или одной личностью, если на это представительство имеется согласие каждого из представляемых в отдельности. Ибо *единство* лица обуславливается *единством* представителя, а не *единством* представляемых. И лишь представитель является носителем лица, и именно единого лица, а в отношении многих *единство* может быть понято лишь в этом смысле» [5; 127].

Драматургия Англии и Франции осваивает эти новые функции Лица особенно живо и остроумно. Важные в историческом и социальном отношении действия соответствующих Лиц получает в искусстве замысловатое лицедейское сопровождение. В целом антропологический ключ к тайнам человеческой сущности имеет, на наш взгляд, как раз эстетически замысловаты («за-мысел») изгибы.

Сначала, в древности, в палеолите эстетическое осознание растущей социальности человека было сравнительно примитивным и имело антропологическое разрешение, в основном, в его животнo-телесной форме. В античной Европе грандиозные статуарные *фигуры* окончательно теряли свои растительно- и животнoподобные характеристики, получали более человекоподобное осмысление. Надприродное могущество этих человекоподобных Богов означало победу собственно человеческого и социального над сугубо животным и стадным уже в самой человеческой сущности.

Однако, очень скоро воплощением деятельной энергии, активной силы стали фигуры полубогов-полулюдей вроде, например, Геракла, и наиболее могущественные правители. Со временем фигуративная сторона всякого масштабного предприятия, как в жизни, так и в искусстве, стала общеобязательной. На коней приходилось садиться и браться за меч или шпагу порой даже совсем неприспособленным для этого вельможам. Поистине «от смешного до великого один шаг».

В этом отношении любопытна и симптоматична способность художественных натур рационально мыслить, глубоко философствовать не от своего *лица*, а от имени в художественных произведениях *фигур* (У. Шекспир, Ф.М. Достоевский).

Кроме того, в социокультурном контексте уже нашего времени *персона* есть нечто другое, нежели *фигура* или *лицо*. Сейчас никак не скажешь «политическая персона» или «юридическая персона», хотя выражения «политическая фигура» или «юридическое лицо» звучат вполне современно. Деятельная, активная *роль* фигуры в этом примере очевидна: либо здесь фиксируется то, что она (фигура) что-то **совершает**, либо некие силы **двигают** уже ею самой. Понятно, что персона, наоборот, малоподвижна, есть сама по себе и не будет выступать марионеткой в чьих-то более сильных руках. Функциональная гибкость и подвижность лица вообще или того же «юридического лица», в частности, в отличие, например, от персонального положения, просто очевидна. Инерция, консерватизм и статичность социального в персоне может быть еще одним примером отчуждения человека от его собственной сущности. В отчуждении человеческой сущности происходит расчеловечивание этой сущности. Вообще говоря, *церемониал* превращения фигуры в персону хорошо известен.

В антропологии Л. Фейербаха присутствует крайне глубокомысленная характеристика собственно человеческой сущности, выбивающаяся далеко за пределы привычного для него натурализма. Например, он заявляет, что «природа есть неотличимая от бытия сущность, человек есть *сущность*, отличающая себя от бытия» [6; 129]. Немецкий философ очень продуктивно разворачивает это положение, отмечая, что именно история является процессом очеловечивания человека [6; 44].

Впрочем, феномен самой *фигуры* (и фигуративности) в условиях крайнего динамизма человеческого бытия уже сейчас приобретает решительные измене-

ния. Раньше других это заметил Г. Гессе, у которого речь идет уже о *внутриличностных фигурах* современного человека. «Как писатель создает драму из горстки фигур, так и мы строим из фигур нашего расщепленного «Я» все новые группы с новыми игроками и напряженностями, с вечно новыми ситуациями», — читаем мы в «Степном волке» [7; 247].

А где же здесь Лицо? Г. Гессе его присутствие описывает так: «И в нашем современном мире тоже есть поэтические произведения, где под видом игры лиц и характеров предпринимается не вполне, может быть, осознанная автором попытка изобразить многообразие души. Кто хочет обнаружить это, должен решиться взглянуть на действующих лиц такого произведения не как на отдельные существа, а как на части... некоего высшего единства (если угодно, души писателя)» [7; 77].

В целом ситуация дополнения фигуры лицом показывает пограничный характер эпохи, переход от революционного этапа в развитии к эволюционному. Доминанта Лица означает обращение к *обсуждению* состояния дел в условиях слишком плотного информационного пространства, теряющего способность для именно фигуративной (действенной, а не словесной) свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. 607 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42.
3. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1984. 360 с.
4. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995. 340 с.
5. Гоббс Т. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1991. 731 с.
6. Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1995.
7. Гессе Г. Степной волк. СПб., 2001. 280 с.